

Е. Преображенский
Красная Новь 1921, п°3

Перспективы новой экономической политики.

В предисловии к первому изданию „Капитала“ Маркс писал много раз цитировавшиеся потом слова: „Большая наука может и должна учиться у других“. Правда, общество, раз оно попало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов. А несколько выше в том же предисловии Маркс говорил: „Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего“.

Увы, и на европейском континенте и на американском материке мы имеем страны, промышленно гораздо больше развитые, чем Россия, но, к сожалению, ни одна из этих стран не в состоянии показать о промышленно отсталой советской России картину ее ближайшего будущего. Тот неожиданный зигзаг, который проделала история фактом победы в результате установления диктатуры пролетариата как раз в одной из отсталых, аграрных стран Европы, как Россия, при наличии капиталистических отношений в экономически более передовых странах, этот зигзаг сделал ситуацию в Европе несравненно более сложной (в смысле обучения отсталых стран у передовых), чем та, в обстановке которой писались цитированные слова Маркса. Разумеется, если считать вместе с меньшевиками, что в октябре никакой социалистической революции не было, а была буржуазно-демократическая революция, лишь одетая в социалистические лозунги и осложненная (к несчастью для меньшевиков и буржуазии) преимущественной и руководящей ролью в ней пролетариата, если эта революция расчистила почву для капиталистического развития в России лишь с гораздо большей основательностью, чем это могла сделать буржуазная революция, проходящая под гегемонией капиталистического класса, то дело весьма упрощается. Тогда в основном и главным именно капиталистические Германия, Англия и особенно Америка должны показывать нам картину нашего собственного будущего и России остается лишь „сокращать муки родов“ нормальных капиталистических отношений в стране, чем и занимаются с достойным усердием наши меньшевики и эсеры, упорно не желая в этом сознаваться. Но если нам нечему учиться у меньшевиков, если не капиталистические отношения в передовых странах показывают картину нашего будущего, если, наоборот, на нашем октябре должен учиться передовой класс передовых стран, т.е. рабочий класс, тому, как надо осуществлять пролетарскую революцию, то,

с другой стороны, в том, в чем мы считали, т.е. в области промышленного развития и техники, нам еще многому предстоит учиться за границей.

Гораздо большую актуальность имеют для нас, особенно в период проведения новой экономической политики и для учета ее перспектив, слова Маркса о том, что общество, попавшее на след естественного закона своего развития, не может перескочить через естественные фазы развития. В XX веке, веке разрушения капитализма, пролетарских революций и социалистических войн, человеческое общество именно в том прорыве капиталистической оболочки, который образовался благодаря пролетарской революции в России и именно на основе отношений, складывающихся при этой диктатуре, нащупывает „естественный закон своего развития“ на ближайшую эпоху. В этом главное и самое существенное для понимания основного процесса, происходящего теперь на территории советской России. Но вместе с тем нам приходится вспомнить о естественном законе развития и для нашего мелко-буржуазного окружения, которое давит всей стихийной массой своих сил на молодые социалистические побеги, пригибает одни к самой земле, искривляет стебли других, совсем не дает взойти, протянуться к свету третьим, и, что самое главное, с железной необходимостью и по законам его собственного развития должно будет стремиться к тому, чтоб заделать брешь в капиталистической системе, которая сделана октябрем и нашими победами в гражданской войне. На территории советской республики в ближайшие годы мы будем иметь возможность наблюдать и изучать два различных „естественных законов развития“, в историческом масштабе отделенных один от другого парой столетий, но по иронии судьбы происходящих на одной территории и в одно время: естественный закон развития мелкого товарного производства, устанавливающий капиталистические отношения вновь или восстанавливающий капиталистические процессы и связи, порванные октябрем, — с одной стороны, и естественный закон развития социалистического общества, укрепившегося на базе крупной промышленности, с ориентацией на расширение прорыва, сделанного октябрем во вне, и со стремлением к постепенному расширению за счет мелко-буржуазного и (да позволено будет так сказать) средне-капиталистического окружения внутри. Естественные законы товарного хозяйства мы знаем достаточно хорошо из всего прошлого капиталистических стран и из нашего собственного дореволюционного прошлого. Здесь перед нами повторение процессов, уже изученных, которые не сулят нам никаких неожиданных сюрпризов, если мы будем делать во-время и в пущей пропорции поправки к особенностям обстановки и ее целом. Наоборот, естественные законы социалистического накопления и развертывания социалистических отношений только намечаются. Здесь история нас учит мало, потому что мы сами здесь делаем историю и можем изучать лишь то немногое, что уже сделано и притом сделано в чрезвычайно сложной обстановке, отнюдь не характерной для будущего развертывания социалистических отношений на Западе. В этом, конечно, наша слабость. Наша же сила заключается в том, что наше мелко-буржуазное окружение, даже в лице его политических идеологов, не знает, наоборот, тех сюрпризов, которые его ожидают со стороны социалистического острова, и в нашей борьбе с ним мы будем находиться в положении штаба, который, хотя и приблизительно, представляет сам, что он будет делать в будущем, зато наверняка знает, что будет вынужден делать противник.

Каковы же перспективы на ближайшие годы?

часть среднего крестьянства, которой успехи кулачества не будут давать спать и которые будут чувствовать себя в подготовительном классе первоначального накопления. Но, с другой стороны, беднеющая часть деревни, несомненно, резко столкнется с кулаческими верхами и в земельном вопросе, и по вопросу о продналоге, и в вопросе о местных налогах, и повинностях, и неизбежно принудит Советскую власть вмешаться в борьбу на своей стороне. С другой стороны, кулачество и независимо от этого придет к непосредственному столкновению с диктатурой пролетариата, поскольку рабочая власть будет своей налоговой политикой охлаждать азарт кулацкого накопления и будет стоять на пути кулачеству по основной линии его продвижения вперед в капиталистическом направлении. Бандитизм прекращается, потухают эти последние огоньки прошлого периода открытой войны кулачества с Советской властью. Вместо поддержки бандитизма, т.-е. поддержки беззащитного и убыточного дела, кулак займется более прибыльным делом, займется накоплением в тех рамках, которые устанавливает для него новая экономическая политика, с тем, чтоб, когда эти рамки окажутся тесными, снова поставить в порядок дня рушницу¹⁾.

Что касается города, то здесь „естественный закон“ развития в капиталистическом направлении в идеальной для буржуазии форме и с идеальной быстротой процесса представляется в следующем виде. Мелкий торговый капитал занимает все позиции в области распределения государства и кооперации. В результате все излишки крестьянского хозяйства, за вычетом продналога и кооперативно-государственных заготовок, все производство ремесла кустарной промышленности, продукции средних предприятий, арендуемых частными лицами и отчасти продукции государственных предприятий, поскольку часть их продуктов попадает на вольный рынок, вся эта масса товаров поступает в распределение через аппарат мелкой торговли. Конкуренция внутри мелкой торговли приводит к укреплению многих торговых предприятий, к скоплению значительных средств в руках отдельных лиц. Что же касается всего торгового капитала в целом, то он очень скоро перерастет размеры, требуемые для торгового обмена в тех пределах, которые ему поставлены недостаточным производством, и будет отливать в производство. Натиск на аренду предприятий будет несравненно сильнее, чем теперь, когда торговля без затрат дает огромные прибыли. Увеличится также и организация новых производств мелкого и среднего типа. В результате и торговый класс города и средние капиталистические предприятия превращаются в серьезный фактор экономической жизни. С их функционированием уже связано и снабжение миллионов людей и заработок десятков тысяч рабочих. К конфликту с Советской властью приходит неизбежно и этот слой, поскольку рабочая власть преследует след дальнейшему пути развития налоговой и железнодорожной политики, не дает надлежащих гарантий свободной эксплуатации рабочей силы и не восстанавливает всех нужных для накопления правовых норм.

Иностраный капитал привлекается в начале, как союзник крупной социалистической промышленности в деле поднятия производительных сил на базисе крупного производства и в деле борьбы с варварской отсталостью производства мелкого. Но, закрепившись на некоторых пунктах и будучи вынужден пользоваться внутренним рын-

¹⁾ Винтовка с обрезанным стволом, съёмное оружие бандитских шаек на Украине.

Для приблизительного, схематического ответа на этот вопрос, отнюдь не претендующего на пророчество, рассмотрим сначала, как развернулись бы отношения в России, если б мелко-буржуазное окружение с максимальной успешностью двинулось вперед по линии своего „естественного закона развития“, затем рассмотрим перспективу идеально быстрого развертывания социалистических отношений и, наконец, возьмем эти два процесса в их взаимодействии, т.-е. в той связи, в какой они должны развиваться и сталкиваться в реальной действительности.

Начнем с деревни. До революции развитие производительных сил сельского хозяйства происходило как в форме организации и укрепления капиталистических, помещичьих, кулацеских и купеческих хозяйств, так и в форме выделения на территории крестьянского земледелия кулацких крепких хозяйств фермерского типа, начавших применять улучшения в обработке земли, вводивших новые культуры, накапливавших лучшие, чем у остальной крестьянской массы, породы скота. В то время, как крестьянское хозяйство бедняцкого слоя деградировало, а у середняков либо ухудшалось, либо стояло на месте, единственное движение вперед замечалось среди кулацкого земледелия. Его ожидало блестящее будущее при победе буржуазной революции, которая обеспечила бы возможность крупно-крестьянскому хозяйству фермерского типа стать господствующей формой не только среди крестьянского, но и всего сельского хозяйства страны вообще. Октябрьская революция, уничтожив помещичье землевладение, перешибла и процесс формирования нового типа крестьянского хозяйства и не только приостановила процесс накопления в кулацком хозяйстве, но в период комбедов осуществила с большим, хотя и не с полным успехом, выравнивание кулачества под середняков. Кулачество с достигнутой ступени капитализации хозяйства было отброшено на позицию тех годов, в которых этот процесс начал развиваться в заметном размере, т.-е. на позиции, примерно, 70-х или 80-х годов. В условиях новой экономической политики, которая означает свободу обогащения, накопления и использования наемного труда как в мелком производстве города, так и в мелком производстве деревни, прерванный революцией процесс создания фермерства начнет развертываться вновь. Он уже развертывается вновь в урожайных районах не меньше, чем в голодных. При урожае зажиточный крестьянин выигрывает больше других, потому что он больше засеял земли и лучше ее обработал, использовавши при этом и один, другой надел пустующей земли какого-либо безлошадника. В голодных губерниях кулачество остается на месте, в то время как беднота эмигрирует, оно скупает за бесценок скот и инвентарь, и уже в 1922 г. будет иметь засевы такой площади, которые и не снились кулачеству год назад. Что же касается наемного труда, то его, в связи с выливанием из хозяйственных рядов деревни части бедноты, в результате неурожая и отсутствия рабочего скота, будет сколько угодно, был бы только спрос. А спрос уже есть, особенно на окраинах, и будет увеличиваться.

Развитие кулачества в новых условиях неизбежно должно привести также к новой группировке сил в деревне. Во-первых, количество бедноты, сведенное до минимума после экспроприации кулачества и нивелировки в деревне, будет увеличиваться, деревня из более однородной начнет превращаться снова в деревню дифференцированную. Не исключена возможность того, что кулачество потянет за собой политически тот слой бедноты, который будет от нее зависеть экономически, и совершенно несомненно, что за кулачеством пойдет та

хом как для многообразных закупок, так и для продажи части своих изделий, он вступает в деловые связи с буржуазным окружением и в известный момент меняет свою ориентацию. Так как никакое накопление в буржуазном окружении не в состоянии собрать такого количества товарного капитала, который мог бы производственно овладеть в исторически краткий срок нашей крупной промышленностью, и так как единственным кандидатом для овладения ей является иностранный капитал, который мог бы возглавить мелко-буржуазное окружение крупно-капиталистической и по типу производства, следовательно, родственной настройкой, то неестественный союз социалистического государства с крупным иностранным капиталом лопается и заменяется естественным союзом его со всеми буржуазными силами России. Бьет час для схватки этого союза с социалистическим государством, и исход борьбы решается соотношением сил внутри страны и в международном масштабе.

Теперь представим себе идеально быстрое развитие на другом полюсе, в области социалистического производства и распределения. Начав восстановление хозяйства с важнейших отраслей крупной промышленности и транспорта, социалистический остров расширяется одновременно и за счет развития своих собственных сил, и за счет систематических вычетов из доходов мелко-буржуазного окружения. Начав восстановление хозяйства на производственной основе производства и небольшого по размерам товарообмена, Советская власть в результате успехов крупной промышленности в состоянии увеличивать из года в год второй источник получения для промышленности продуктов сельского хозяйства. В то же время успехи в добыче каменного угля, нефти и торфа, вместе с электрификацией Петербурга, Москвы и других районов, создают все увеличивающийся топливный базис для разпертывающейся промышленности.

Вычеты из доходов мелко-буржуазного окружения растут по мере роста этих доходов. Продialog на время первых лет восстановления промышленности удерживается на старом уровне, уменьшаясь в зависимости от колебаний в урожае, что при общем движении вперед крестьянского хозяйства расширение новой площади не представляет экономически ничего невозможного. Наоборот, налоги на ремесло, кустарное производство, торговлю и частную промышленность все возрастают, что при росте производительных сил в этих областях также экономически возможно. Сначала эти отрасли облакаются в таком размере, что расходы на государственный аппарат, содержание транспорта, армии и т. д. на них падают в таком же размере, в каком они падают на социалистическую промышленность. В дальнейшем они повышаются настолько, что оставляют у арендатора прибыль в размере дохода хорошего специалиста, а с мелкого производства снимают большую часть того, что при иных условиях шло бы в фонд капиталистического накопления. В результате излишки кулацкого хозяйства и частной промышленности отливают преимущественно в фонд социалистического накопления. В то же время все большую и большую роль начинает играть внешняя торговля республики и в природе появляется новая экономическая категория: социалистическая торговая прибыль. Важнейшим предметом торговли по мере восстановления крестьянского хозяйства делается хлеб. Продавая хлеб за границу и продавая крестьянству продукты крупной иностранной промышленности, советское государство, за покрытием организационных расходов, получает значительную и все возрастающую прибыль. Под влиянием увеличения производства и крупной промышленности и увеличения

возможностей товарооборота с деревней, благодаря налогам, сокращению эмиссии и расширению товарообмена на вольном рынке, советское государство получает твердую валюту, используя в дальнейшем эмиссию, поскольку она не колеблет курса рубля, для извлечения из оборота в фонд социалистического накопления того количества товарных ресурсов в мелкого хозяйства, которое эквивалентно соответствует размерам денежного накопления в частном хозяйстве. Что касается концессионного капитала, то, начав с привлечения иностранного капитала в производство, советское государство по мере реального восстановления своей промышленности убеждается в экономической невыгодности и политической опасности такого способа привлечения иностранного капитала по сравнению с системой товарных займов. Товарные займы, бывшие невозможными в период развала промышленности вследствие большого их риска для ссуживающего капитала, наоборот, в период подъема социалистической промышленности делают преимущественной формой использования иностранного капитала в России, и, несмотря на грабительские проценты, дают сильнейший толчок к наступательному движению вперед всей нашей промышленности и сельского хозяйства.

В результате быстрого восстановления крупной промышленности и создания благоприятных материальных условий для пролетариата, с другой стороны, ввиду промышленного или промышленных кризисов за границей, безработицы и преследований со стороны буржуазных правительств, начинается массовая тяга иностранных рабочих в Россию, начинается пролетарская колонизация России, которая даст возможность поддерживать разветвляющуюся промышленность со стороны недостающей в самой России квалифицированной рабочей силы, и пролетариат, как класс, не только непрерывно растет количественно, но улучшается его качественный состав.

Успехи промышленности ускоряют процесс социализации сельского хозяйства. Совхозы ставятся на ноги, увеличивается количество и качество совхозов, приписанных к фабрикам, растет коммунальное земледельческое хозяйство городов, постепенная замена лошадиной силы тракторами и электропугами увеличивает остроты коллективного хозяйства в деревне. Рядом с этим медленным процессом развивается другой, гораздо более быстрым темпом. Государство приступает на окраинах к организации нового типа совхозов на лугующих землях, берется в дело тракторы и иностранных рабочих. На основе начавшегося сдвига расслоения деревни среди бедноты в большем масштабе, чем раньше, при большей общей сознательности ее усиливаются коммунальные стремления в массовом масштабе. Это происходит в период, когда пролетарская власть в гораздо большей степени, чем раньше, стала способной поддержать этот процесс путем снабжения коммунистов машинами, искусственными удобрениями и агрономическими силами.

Таким образом пролетарская база Советской власти растет с каждым днем, с другой стороны, увеличивается в экономике страны удельный вес крупного социалистического производства по сравнению с мелким. Сначала расширялось и крупное и мелкое производство, не сталкиваясь резко. Затем крупное начинает не только расти, но расти за счет вытеснения мелкого. В этот период советское государство не только прекращает, как правило, сдачу в аренду тех или иных средних предприятий, но уже тяготеет арендаторами, не возобновляет на новые сроки договоров, а само берется вести средние предприятия. Мелкая торговля, существующая наряду с кооперацией, в значительной

степени подчинена уже крупному производству, получая для продажи продукты в тех случаях, когда государству более выгодно использовать ее аппарат, а не аппарат кооперации, либо когда требуется использовать и тот и другой аппарат. В зависимости от государства находящиеся не только торговля, но и мелкая и средняя промышленность, кредитующиеся в государственном банке и через этот канат поднятые к советскому государству. Этот процесс систематического утеснения и вытеснения частной, мелкой и средней промышленности и непрерывный нажим на кулачество, большие налоги и пр. вызывает возмущение той части мелко-буржуазного окружения, которая стремится неуклонно дорваться до возможности беспрепятственного капиталистического накопления. Происходит взрыв буржуазно-кулацкой контр-революции, которая при данном соотношении сил легко подвергается полному разгрому. После этого разгрома наступает, если можно так выразиться, период социалистической реакции. Новая экономическая политика в известной части ликвидируется, после периода частичной денационализации, начинается снова усиленная национализация того, что выгодно национализировать для советского государства. Критический период пройден. Социализм побеждает по всей линии.

Так можно представить себе „естественный закон“ капиталистического накопления и роста, и „естественный закон“ социалистического накопления и развития в идеальном для каждого процесса виде.

Теперь возьмем оба эти процесса в их взаимодействии со всеми осложняющими ход развития факторами, т.-е. попытаемся представить себе реальную картину развивающегося социалистического производства в обстановке развивающегося рядом товарного хозяйства, беря за исходный хронологический пункт вторую половину 1921 года.

Первый период, начальные ступени которого мы теперь, осенью 1921 года, проходим, характеризуется сравнительно мирным сожительством и того и другого процесса. Кулак, экспроприированный в период существования комбедов, лишенный избирательных прав в Советы, взятый вообще под подозрение, особенно в области спекуляции, использования наемного труда и накопления, этот кулак переживает состояние человека, вырванного из тюрьмы. Замена разверстки продналогом вполне его устраивает, по крайней мере на первый период, пока не захочется лучшего, эта замена дает кулачеству больше, чем могло бы ожидать их по крайней мере при существовании Советской власти. Кулачество расширяет посевную площадь, использует накопленные денежные ресурсы для улучшения скота, пополнения запасов инвентаря и начинает залечивать раны, нанесенные ему комбедовской политикой. Среднее кулачество также с удовлетворением встречает замену разверстки продналогом и охотно откупается от государства взносом причитающегося с него налога. Вместе с тем из него выделяется слой, который с уровня потребительского хозяйства, сводящего концы с концами без излишков, стремится развить продукцию в таком размере, чтобы иметь эти излишки для накопления. Если не считать продналогом эмиссии, образующие часть доходов крестьянского хозяйства, в условиях настоящей экономической политики нет препятствий, которые стояли бы на пути этого процесса. Что касается городской торговли, то слой городских торговцев находится в медовом месяце „первоначального накопления“. Переход от запрещения почти всякой торговли к беспрепятственному товарообороту, огромные прибыли на первых ступенях возрождения товарообмена, пока конкуренция еще не велика, заставляют торговый класс ловить момент. Этому классу в этот период не до политики.

Он мирится пока с существованием Советской власти, сократил подпольную и злостную агитацию против нас, ему теперь некогда этим заниматься, он осуществляет с лихорадочной поспешностью формулу Д—Т—Д, каковая формула в период падающего курса рубля не дает времени для посторонних занятий. Этот слой охотно платит все налоги, пока скромные, сейчас же перекладывает их на покупателей и даже рад тому, что самым фактом обложения Советская власть легализует на практике его промысел. Что касается арендаторов средних предприятий, то они только что приступают к хозяйничанию и, разумеется, в этот период не представляют из себя сколько-нибудь крупной величины в экономике страны, а с другой стороны, не имеют пока пунктов для столкновения; перспективы, раскрывшиеся столь неожиданно приятным для воскресших из мертвых Колупаевых и Разуваевых, что им теперь также не до конфликтов.

То же надо сказать и про ту группировку мелко-буржуазных сил, которая образуется внутри и вокруг кооперации, особенно производительной кооперации. Кооперация не может строиться с места без государственной поддержки. В тот период, когда отделение от государства и переход из враждебную к нему позицию означает отделение тощей кооперативной кассы от государственной, трудно разумеется, ожидать от кооперации резкого разрыва с пролетарским государством. Тем более, что раньше, чем мелко-буржуазные силы в кооперации решили бы перейти в резкую оппозицию к Советской власти, они должны сгруппироваться, дать бой и победить советские силы внутри самой кооперации. Эта настройка классового состава кооперации, с одной стороны, необходимость блокироваться с пролетарским государством в важнейшем пункте, в борьбе с частной торговлей, выгода союза, а не разрыва с государством по многим другим причинам, — все это затрудняет враждебным пролетариату силам резко повернуть аппарат кооперации против государства в защиту интересов зажиточного крестьянства. Но тем не менее, благодаря тому, что кооперация за время революции была местом скопления антисоветских сил из так называемых специалистов, эта кооперативная верхушка уже теперь начинает намечать линию раскола с государством, т. е. начинает, забегая вперед, уже пытаться войти во второй период, конфликтный период двух рассматриваемых нами процессов.

Укрепление позиций, которые социалистическое государство оставило за собой, и развертывание социалистического производства встретится с рядом препятствий, которые можно предвидеть уже теперь. Здесь чрезвычайно много зависит от господина урожая. Хороший урожай может дать сильнейший толчок развитию производительных сил в крупной промышленности, и, наоборот, повторные неурожаи могут весьма сильно задержать продвижение вперед. Урожай означает полмиллиарда лишних пудов хлеба. Он обеспечивает выделение полностью продналога даже тогда, когда крестьянство начнет забывать о разверстке и начнет торговаться с государством уже на почве продналога.

Урожай означает далее удешевление хлеба по сравнению с продуктами промышленности, следовательно, возможность получить больше сельско-хозяйственных продуктов за товарообменный фонд пролетариата. Урожай означает увеличение доходов государства от эмиссии при уменьшении вредного влияния выпуска бумажек на курс рубля. Наконец, урожай делает возможным пачать, хотя бы сначала и в скромных размерах, вывоз хлеба за границу и увеличить ввоз для крестьянского хозяйства машин из-за границы. Влияние урожаев на

расширение нашей довоенной промышленности было установлено экономическими исследованиями давно. Теперь это влияние должно быть еще более сильным.

Нельзя еще предвидеть, как сложится дело с использованием концессионного капитала. Быть может, дело пойдет так, как оно представляется в описанном выше идеальном варианте развертывания социалистической промышленности. Но не исключена и такая возможность, что первые опыты с концессиями окажутся неудачными, что социалистический организм не переварит их и выплюнет их, как при рвоте. Точно также дело с товаришскими займами может затормозиться. Наконец, нельзя предвидеть и всяких внешних осложнений, которые не только могут оборвать экономические связи с капиталистическими странами, но и сильнейшим образом затормозить социалистическое строительство и в той части, в какой оно базируется на внутренних ресурсах республики.

Но как бы ни велики были под влиянием всех этих причин отклонения от идеального темпа социалистического продвижения вперед, характеристика первого периода существования двух различных и в своих тенденциях враждебных процессов развития, как периода их мирного строительства, остается в силе. И в том случае, если процесс развития и восстановления капиталистических отношений в ближайшие годы будет обгонять процесс социализации, и инициатива нападения будет исходить от мелко-буржуазных и буржуазных сил, и в том случае, если развертывание социалистической промышленности будет обгонять первый процесс и инициатива утеснения будет исходить от пролетарского государства—в обоих этих случаях для нарастания и созревания конфликта нужен определенный срок. Какой срок?

Для марксиста всегда выгодней уклониться от ответа на этот коварный вопрос и удовлетвориться лишь анализом экономических тенденций и их политических последствий. Но практика жизни и борьбы требует ответа, хотя бы приблизительного. Мне кажется, что два—три года мирного сожительства капиталистического процесса развития с социалистическим, если не гарантированы, то являются в высокой степени вероятными, и правильнее удлинить этот срок, чем его убавить. Все это при условии, что конфликт не будет ускорен извне, т. е. пролетарской революцией на Западе в пользу социалистического наступления, либо интервенцией иностранной буржуазии в пользу капиталистической реакции.

А пока республика вступила в период развития производительных сил во всех отраслях своего национального хозяйства под лозунгом максимального увеличения количества продуктов, какими бы путями и методами это ни достигалось. Это увеличение продукции, означающее в то же время увеличение доходов и потребления непосредственно занятых в производстве и торговле групп, не только не способствует психологически нарастанию конфликтных настроений, а, наоборот, ведет к расхождению конфликтов, уже существовавших. Если изобразить графически картину параллельного развития капиталистических и социалистических отношений и установить, с какого момента начинается столкновение, то можно представить себе весь процесс в виде двух усеченных пирамид, поставленных рядом основаниями вверх, и представить себе, что эти фигуры растут вверх. В определенный момент рост и в той и в другой сфере возможен без столкновений! Но наступает момент, когда столкновение неизбежно и кто-либо должен посторожиться.

Отсюда можно вывести и еще одно важное заключение. Конфликт назреет тем скорей, чем успешней будет идти развитие по обеим линиям. Он назреет позже, если обнаружится застой или медленное продвижение вперед.

В каком же пункте можно ожидать прежде всего ликвидации мирного сожительства двух разных законов развития?

Мне кажется, что развязывание конфликта вряд ли начнется на территории города. Ни мелкое производство города, ни городская торговля, ни тем более средне-капиталистическая промышленность, существующая на основе аренды, не могут служить почвой для решающего конфликта. Удельный вес этих отраслей промышленности в экономике всего хозяйства не настолько велик, и не настолько значителен социальный вес связанных с этой экономической средой классов, чтоб отсюда началось решающее столкновение. Хотя при новой экономической политике мы не можем уже сказать, что в республике осталось два класса, рабочие и крестьяне, тем не менее решающими исход всякой будущей борьбы остаются по-прежнему эти два класса. Именно из деревни мы должны ожидать развязки конфликта, который назреет на основе новой экономической политики. Конкретно это можно представить себе следующим образом.

В новых условиях начинается снова прерванный революцией процесс расслоения в деревне. Кулачество, которому в прок и урожай, потому что больше хлеба останется для обмена, и голод, потому что больше можно купить за бесенок скота и имущества бедноты, это кулачество начинает забирать снова одну из утраченных раньше позиций за другой. При всяком уровне цен на продукты сельского хозяйства именно кулачество использует все выгоды этой конъюнктуры в первую очередь, поскольку именно в кулацком хозяйстве прежде всего начнется и уже начинается улучшение обработки земли и повышение урожайности почвы. С другой стороны, пострадавшие от неурожая слои деревенской бедноты будут в значительной мере отброшены на докомбедовские позиции. Рост благосостояния кулачества будет чем дальше, тем больше раздражать деревенскую бедноту. Начнется борьба в деревне по вопросам земельным, потому что кулачество будет арендовать земельные наделы бесхозяйных, по вопросу о плате батракам, по вопросам об использовании кулацкого скота и инвентаря для обработки земли бедноты, семей красноармейцев и т. д. Беднота будет требовать уменьшения ее доли продналога и увеличения ставок налога на кулачество. Начавшись в местном деревенском и волостном масштабе, эта борьба примет в дальнейшем общероссийский характер. Эта борьба перенесется в кооперацию и вызовет раскол внутри кооперации, которая в зависимости от местных условий, либо превратится в орудие борьбы бедноты с зажиточными слоями деревни, либо—наоборот. Советское государство должно будет вмешаться в процесс борьбы, и главной его задачей будет не новая стрижка кулачества по примеру 1918 года, а, наоборот, создание хозяйственной базы для бедноты путем усиленного развития хозяйственных объединений бедноты на основе коллективного хозяйства. Это неизбежное вмешательство в борьбу пролетарской власти в свою очередь заставит кулачество искать себе союзников в городе. Оно найдет их там как отчасти в кооперации, где имеется достаточно эс-эровско-меньшевистских элементов, так и в лице возродившегося торгово-промышленного класса и буржуазной интеллигенции. Не исключена возможность, что кулачество само перейдет в наступление, начав борьбу за отмену продналога и попытается на этой почве повести за собой большинство крестьянства.

Группировка сил может сложиться тогда приблизительно следующая. На стороне Советской власти—рабочий класс социализированных предприятий, беднота деревни, государственный аппарат, на стороне кулачества—все новые капиталистические группировки и часть среднего крестьянства, тяготеющая к верхам деревни, и те группы городского населения, которые связаны в своем существовании с большим рынком и развивающимися капиталистическими отношениями. Среднее крестьянство, вероятней всего, останется в своем большинстве нейтральным, потому что в условиях новой экономической политики ему обеспечена возможность улучшения хозяйства и поднятие его доходности, кулацкая же победа не сулит никаких серьезных улучшений в его положении. Таким образом исход борьбы в высокой степени будет зависеть от организованности двух крайних полюсов, в частности, от силы государственного аппарата пролетарской диктатуры. Возможно, конечно, что капиталистические силы города и деревни обнаружат очень большую приспособленность к пролетарской власти, и в конфликтном периоде пойдут по линии наименьшего сопротивления, ограничившись пассивными средствами борьбы на чисто экономической почве. Это будет тем вероятней, чем успешней будет идти процесс укрепления всей социалистической системы в доконфликтный период и чем больше социалистическое производство успеет экономически подчинить себе товарное хозяйство (транспорт, государственный банк, государственные заводы, внешнюю торговлю и т. д.).

После всего сказанного нам нетрудно разобраться в сущности этой борьбы, которая ведется за границей между двумя расколотившимися частями кадетской партии: группы „Последних Известий“ во главе с Милюковым и кадетских ортодоксов из „Руля“. Последняя группа, после того как кадетская партия потеряла свой классовый базис в лице капиталистической буржуазии и отчасти капиталистического земледелия, осуждена на роль кучки идеологов, оторванной от социальных корней в русской жизни, поскольку эти корни вырваны октябрьской революцией. Ни городская торговля, ни средняя капиталистическая промышленность, начинающая понемногу возрождаться, не могут представить достойного базиса для старой кадетской партии и обрекает группу „Руля“ на политическое ничтожество. Наоборот, Милюков ищет базиса в деревне, он хочет возродить кадетскую партию на кулацкой основе, т. е. на основе такой общественной группы, которая имеет серьезное значение в экономике страны и может представить большую силу в борьбе политической. А так как для успеха в борьбе кулачеству необходимо увлечь за собой среднее крестьянство, то его новым идеологам необходимо всячески замазать свое капиталистически-помещичье лицо, спрыснуться эс-эровским одеколоном, чтобы оглушить вокруг себя колчаковско-деникинский запах, и после всех этих операций выступить в роли пожей буржуазной деревни. Совершенно очевидно, что из спорящих прав именно Милюков, а не Гессен и Набоков, потому что если в России возможна победа буржуазной власти, то она возможна лишь при вступлении в бой деревенской буржуазии, которую отнюдь не способен увлечь за это Гессен и Набоков своими историческими воспоминаниями. Мы не знаем, увлечет ли ее Милюков, пока они его увлекли запахом ядреного кулацкого черносмаза. Но что Милюков ищет там, где и надо искать каждому серьезному контр-революционеру и серьезному политическому противнику пролетарской власти,—это не подлежит спору.

В заключение сделаем из всего вышесказанного некоторые выводы. Первый вывод это--тот, что на протяжении ближайших лет в республике не будет благоприятной почвы для массового контр-революционного движения, за исключением, быть может, разрозненных выступлений на окраинах. Попытка к восстаниям и заговоры со стороны эс-эровски-белогвардейских элементов не только будут бесцельными, но будут доказательством банкротства и полного непонимания со стороны этих групп политико-экономической ситуации в стране. Концентрация контр-революционных сил происходит в настоящий момент на почве мирного расширения базиса неокapиталистических отношений. Задача Советской власти состоит в том, чтоб использовать это расширение в интересах развития производительных сил страны, но не дать нашим политическим противникам использовать его для свержения Советской власти. А отсюда вытекает, что пролетарская власть не должна сдавать в этот мирный период не только ни одной политической позиции,—это не требует доказательств,—но и ни одной решающей экономической позиции, особенно из тех, которые являются ключами, как крупная промышленность, банки, внешняя торговля, оптовая торговля монополиями и заграничными товарами и проч. и всякие предложения к расширению зоны за отступления. Эти позиции нужно рассматривать, как объективно контр-революционные. Ввиду того, что главные силы контр-революции формируются в этот период в деревне, необходимо приступить к организации деревенской бедноты в качестве противовеса кулачеству. В области крупной индустрии необходимо с величайшей поспешностью начать восстановление важнейших отраслей, обгоняя в беге строительства несоциалистическую часть промышленности. Необходимо, наконец, укрепление государственного аппарата и максимальное использование его во всех областях, как просвещения и проч. для подготовки всего того, что обеспечит победу в будущих неизбежных классовых битвах.

Е. Преображенский.